

На правах рукописи

Файе Фату Диоп

**СМЫСЛОВЫЕ ВЗАИМОСВЯЗИ ЯЗЫКА И КУЛЬТУРЫ
В КОНЦЕПТУАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ РУССКОЙ ЛЕКСИКЕ
С ПОЗИЦИИ СЕНЕГАЛЬСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ТРАДИЦИИ**

Специальность 10.02.01 – Русский язык

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Москва – 2016

Работа выполнена на кафедре русского языка и методики его преподавания
Федерального государственного автономного образовательного учреждения
высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Научный руководитель:

Шаклеин Виктор Михайлович
Академик РАН
доктор филологических наук, профессор

Официальные оппоненты:

Никитин Олег Викторович,
доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры истории русского языка и
общего языкознания ГОУ ВПО Московской области
«Московский государственный областной
университет»

Холодкова Марина Владимировна,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры русского языка как иностранного
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет имени Г. Р. Державина»

Ведущая организация: **ФГБОУ ВПО «Государственный институт
русского языка им. А.С. Пушкина»**

Защита состоится «23» сентября 2016 г. в 14 часов 30 минут на заседании
диссертационного совета Д 212.203.12 в ФГАОУ ВО «Российский университет
дружбы народов» по адресу: 117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6, зал №1.

С диссертацией можно ознакомиться в Учебно-информационном центре
(Научной библиотеке) Российского университета дружбы народов по адресу:
117198, г. Москва, ул. Миклухо-Маклая, д.6

Объявление о защите и автореферат размещены на сайтах <http://vak.ed.gov.ru> и
<http://dissovet.rudn.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2016 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.Ю. Нелюбова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В процессе развития гуманитарного знания, лингвистическая мысль столкнулась с необходимостью выработки новых терминов для адекватного обозначения содержательной стороны языкового знака, которые сняли бы функциональную ограниченность традиционных значения и смысла и в которых бы органически слились культурологические и языковедческие категории. Возникшая потребность породила появление целого ряда терминологически разнородных номинативных единиц, общим для которых было стремление отразить в понятии способ представления культурно-языковых знаний народа. В российской лингвистической литературе с начала 90-х годов прошлого века в научный оборот вошли, например, такие термины, как «концепт» (Н.Д. Арутюнова, Д.С. Лихачев, Ю.С. Степанов, и др.) «лингвокультурема» (В.В. Воробьев), «мифологема» (М. Ляхтеэнмяки, В.Н. Базылев), «логоэпистема» (Е.М. Верещагин, В. Г. Костомаров, Н.Д. Бурвикова). Следует признать, что на сегодняшний день наиболее жизнеспособным наряду с термином «лингвокультурема», оказался термин «концепт», по частоте употребления значительно опередивший все остальные протерминологические новообразования.

Устойчивость «концепта», как представляется, не в последнюю очередь объясняется естественностью его вторичной терминологизации, возможность которой уже была заложена в лексической системе русского языка, где он выступал синонимом понятию, этимологически воспродуцировавшему его внутреннюю форму. В этом смысле он оказывается многоаспектным, т.к. покрывает предметные области нескольких научных направлений: когнитивной психологии и когнитивной лингвистики, занимающихся проблемами мышления и познания, хранения и переработки информации, лингвокультурологии, определяясь и уточняясь в границах теории, образуемой их постулатами и базовыми категориями. Теоретически концепт выступает как операционная единица мысли, как способ и результат категоризации знания, поскольку его объектом являются ментальные сущности признакового характера, образование которых в значительной мере определяется формой абстрагирования, модель которого задается самим концептом, тем самым он не только описывает свой объект, но в своем роде создает его.

По существующей лингвокультурологической традиции, по которой термин обретает свое терминологическое поле, свое поле получили и термины, связанные с концептом: «концептосфера», «концептология», «лингвоконцептология» и т.д.

Концепты являются теми наиболее значимыми для культуры смыслами, ради вербализации которых и существует язык. Именно поэтому объектом исследования лингвоконцептологии объявляется этнический менталитет носителей языка, основанный на групповых поведенческих стереотипах, которые отражаются в концептах и всей концептосфере.

Все сказанное определяет важность темы представляемой диссертации.

Актуальность диссертационного исследования заключается в том, что проблематика концентрации смысла в лексической единице остается не до конца разрешенной, эта неразрешенность, по всей видимости, заключается в механизмах концентрации культурного смысла в слове.

В диссертации сделана попытка подойти к этим механизмам более детально, начав с анализа конкретного языкового материала, что может привести к некоторым выводам. Эти выводы не разрешают всей проблематики концентрации культурного смысла в слове, тем не менее, помогают приблизиться к ее решению.

Автор исследования основывался на идее того, что концентрация культурного смысла в слове существует. Отсюда возник термин «концентратор культурного смысла», т.е. языковая единица (слово), где сосредотачивается некий важный для носителей языка смысл.

Кроме того, автору показалась привлекательной терминологическая система В.М. Шаклеина, который пытается дифференцировать лексемы по степени наполненности культурными смыслами, нашедшими отражение в таких терминах, как «ЛК-универсалия», «ЛК-доминанта», «ЛК-деталь», «ЛК-поле». Все эти термины укладываются в одном – «концентратор культурного смысла».

Таким образом, тема реферируемой диссертации представляется актуальной.

Объект исследования – лексические концентраторы культурных смыслов.

Предмет исследования – механизмы концентрации культурных смыслов в русской лексике.

Материал исследования – тексты русской и сенегальской художественной литературы XX века.

Цель исследования – выявление сущности процессов концентрации культурных смыслов в русской лексике на фоне сенегальской лингвокультуры.

Задачи исследования:

- представить картину теории вопросов изучения взаимосвязей языка и культуры на уровне лексических концентраторов содержания текста;
- дать анализ интерпретаций понятия и содержания концептуально значимой лексики в современной лингвокультурологии;
- представить иерархию и определить механизмы функционирования лексических концентраторов содержания текста;
- проанализировать процесс перехода механизмов лексических концентраторов содержания текста на уровне дискурса;
- рассмотреть лексические концентраторы содержания в процессе самоорганизации текста и дискурса на фоне сенегальской традиции;
- представить систему комплексного лексического анализа самоорганизующихся текста и дискурса;
- подтвердить на сенегальском материале универсальность сделанных в диссертации выводов.

Научная новизна исследования диссертации состоит в комплексном описании взаимосвязи языка и культуры на уровне лексических концентраторов

содержания текста, выявлении их иерархия и функционирования в процессе самоорганизации текста и дискурса на фоне сенегальской языковой традиции. В современной лингвокультурологии одной из самых важных проблем выступает определение лексического концентратора культурного смысла текста. Однако типовых, навсегда актуальных лексем-носителей такой информации, не существует.

Теоретическая значимость исследования определяется его вкладом в разработку вопросов изучения взаимосвязи языка и культуры, теоретико-методологической основы, лингвокультурологического анализа лексических концентраторов содержания текста и дискурса. Представленный в диссертации анализ языкового материала позволяет подойти к решению проблем описания лексико-семантической структуры концентраторов смысла с позиции иной национальной лингвокультуры.

Практическая значимость исследования заключается в уточнении подходов к анализу лексики текста, к выявлению в ней уровней концентрации культурных смыслов. Полученные в результате исследования данные, могут быть использованы при разработке спецкурсов по лингвокультурологии, лингвистике текста, на практических занятиях по стилистике и интерпретации текста, русскому языку как иностранному; последнее, в частности, может способствовать повышению культуры интерпретации текстов студентами-филологами.

Методы исследования. В процессе анализа концентрации культурных смыслов текста применялись различные методы и исследовательские приемы. При выделении и характеристике смысловых уровней лексики и видов информации использовались описательный метод, лексико-семантические приемы изучения актуализированных языковых единиц, методы анализа и сравнения. Для определения характера самой структуры культурного смысла, применялся компонентный анализ с последующим синтезом полученных данных. Сравнительный метод позволил построить типологию культурных смыслов и определить универсальность сделанных выводов.

Методология исследования. Теоретико-методологической базой исследования послужили как работы классиков антропологической лингвистики - Э. Бенвениста, Ф. Боаса, В.фон Гумбольдта, К. Леви-Стросса, А.А. Потебни, Э. Сепира, Ф. Соссюра, Б. Уорфа, так и труды представителей лингвокультурологии – В.В. Воробьева, В.А. Масловой, З.К. Сабитовой, В.М. Шаклеина, лингвострановедения – Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, психолингвистики – Ю.К. Бабанского, Г.Г. Городиловой, Н.И. Жинкина, И.А. Зимней, А.А. Леонтьева, А.Н. Леонтьева, Н.Д. Хмель. Опорными стали также исследования Б.Г. Бобылева, В.В. Виноградова, Г.О. Винокура, К.А. Долинина, В.Я. Задорновой, Л.Ю. Максимова, Л.А. Новикова, А.М. Пешковского, Д.Н. Шмелева, Н.М. Шанского, Л.В. Щербы, и др.

В области исследования лексики русского языка существенное значение для автора диссертации имели работы В.В. Виноградова, В.В. Воробьева, С.Е. Добровольского, Ю.М. Лотмана, Ю.С. Степанова, и др.

Положения, выносимые на защиту:

1. Слово может нести конкретный культурный смысл не столько как языковая абстракция, сколько как единица определенного текста. Прежде всего, в тексте лексема может концентрировать в себе культурные смыслы. В другом тексте, где используется эта же лексема, такие смыслы могут и не звучать, заменяясь иными смыслами или оттенками основного смысла.

Иными словами, на сегодняшний день у нас нет веских оснований для закрепления за каким-то словом как единицей языка определенных культурных смыслов. Отражение этих смыслов в слове можно найти лишь в конкретном тексте. И чем более художественным будет этот текст, тем больше культурных смыслов мы обнаружим в слове.

2. Система лексических концентраторов в тексте подчинена строгой иерархии, устроенной по принципу матрешки. Это означает, что менее значимые лексические концентраторы культурных смыслов входят в поля более значимых концентраторов.

3. Лексические концентраторы содержания текста синергетичны, т.е. заложенные в них культурные смыслы склонны к саморазвитию. Движителем такого саморазвития является динамика культурной среды, в которой эти концентраторы функционируют. В этом смысле функционирование концентраторов смысла в процессе самоорганизации текста и дискурса представляют собой практически бесконечные вариации все новых и новых значений, рождаемых средой, в которой существуют эти текст и дискурс.

4. Отмеченные процессы концентрации культурных смыслов универсальны, что доказывает привлеченный сенегальский материал.

Апробация работы. Отдельные положения диссертации были представлены на, VII, VIII, IX, XII студенческих научно-практических конференциях «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания», (Москва – РУДН, апрель 2010, 2011, 2015), Язык и личность в поликультурном пространстве (Севастополь, РУДН, Севастопольский городской гуманитарный университет, 2012), на заседании международного научно-практического семинара «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания» (Москва, РУДН, 2015), Всероссийской научно-практической конференции молодых ученых с международным участием «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания: традиции и инновации» (Москва, РУДН, апрель 2016), на заседании кафедры русского языка и методики его преподавания филологического факультета Российского университета дружбы народов.

Основные положения и выводы диссертации отражены в восьми публикациях, три из которых размещены в рецензируемых научных изданиях, рекомендуемых ВАК Министерства образования и науки РФ.

Структура работы определяется её целью, задачами и характером языкового материала. Диссертация состоит из Введения, трех глав, Заключения, Библиографии, содержащей 291 наименование (включая словари и источники языкового материала).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении обоснованы актуальность, новизна, определены объект и предмет исследования, сформулированы цель и задачи, указаны материал, методы, методология, теоретическая и практическая значимость исследования, определены положения, выносимые на защиту.

В первой главе «**Теоретические вопросы изучения взаимосвязей языка и культуры на уровне лексических концентраторов содержания текста**» с точки зрения лингвистической теории анализируются проблемы лексических концентраторов содержания текста, и, в частности - концептуально значимой лексики и лингвокультурных универсалий (ЛК-универсалий).

Одной из проблем современной лингвокультурологии выступает выявление носителя культурного смысла в живой речи и письменном тексте. Актуальность данного вопроса диктуется самой сущностью лингвокультурологии как направления в лингвистике, изучающего механизмы взаимодействия языка и культуры. Иными словами, лингвокультурология находится в поиске своего рода инструментария, с помощью которого она может указать на части текста, где культурное содержание имеет наиболее отчетливое отражение.

В качестве носителя культурного смысла текста в лингвокультурологии чаще всего используется понятие концепта.

В лингвокультурологии тема концепта как концентратора культурного смысла в тексте была наиболее популярна в последнее десятилетие XX века. С начала XXI века интерес к проблематике концепта стал сходить на нет. Стало очевидно, что та существенная культурно-смысловая нагрузка, которая приписывалась концептам, чаще всего просто отсутствует. Стало очевидным, что концептология исследует не что иное, как лексическое значение часто употребляемых слов. При этом культурно-смысловая нагрузка данных слов существенно меняется в зависимости от контекста – от нейтральной до весьма значимой в данном тексте или дискурсе.

Именно поэтому культурно-смысловую нагрузку слова возможно определить прежде всего в рамках конкретного текста или дискурса.

Данный вывод диктует необходимость пересмотра отношения к проблеме концентрации культурного смысла в слове. Заранее заданных актуальных лексем-носителей культурной информации не существует. Есть слово, присутствующее в словаре языка, и есть слово, звучащее в тексте или дискурсе. С точки зрения культурного содержания, это равновесные единицы. Попытки формализовать культурное содержание слова, т.е. закрепить за словарным словом культурное значение ведет не только к упрощению исследовательского подхода, но и к формированию не совсем объективных позиций.

Более продуктивно, на взгляд автора настоящего исследования, в качестве концентраторов культурного смысла рассматривать не концепты, а лингвокультурные универсалии, по своей природе более привязанные не к словарю, а к текстовой и дискурсивной конкретике.

Лингвокультурная универсалия – это лексическая единица, несущая в конкретном тексте, группе текстов или на локальном участке культуры, в

лингвокультурной ситуации особо значимый смысл (по сравнению с другими лексическими единицами данного текстового поля). Этот смысл служит основой для возникновения контекста и подтекста, вносящих в основной текст дополнительные культурные смыслы.

Если понятие концепта пришло в лингвистику (и гуманитарную сферу в целом) относительно недавно, то понятие универсалии имеет под собой чрезвычайно существенное философское обоснование.

Проблема универсалий возникла в античной философии и связана с именами Платона и Аристотеля. У Платона под универсалиями имеются в виду понятия, при помощи которых говорящий доносит до слушателя ту или иную информацию. При этом для него важна была трактовка понятий в зависимости от ситуации общения. Прежде чем употреблять какое-то значимое понятие, говорящий должен уточнять его значение. То есть для каждого авторского текста, по Платону, существуют свои универсалии, объективно единых универсалий и для него не существовало.

Для Аристотеля универсалия – понятие, прежде всего лингвистическое, означающее общее для языка и культуры значение. Характерно, что среди универсалий Аристотель выделял как общие, присущие языку и текстам в целом, так и особенные, присущие языку и текстам определенного автора. Последние он называл предикативными универсалиями. Общие универсалии, таким образом, для него есть акт общественный. Но они становятся субъектными при переводе их в логико-грамматические (языковые) структуры конкретного текста.

Схема преобразования универсалий у Аристотеля такова: объективное, свойственное всем суждение (например, фразеологизм) – субъективация суждения (звучание фразеологизма в устах конкретного человека) – индивидуальное языковое преобразование суждения (пересказ смысла фразеологизма конкретным человеком).

Обсуждение проблемы универсалий продолжилось в раннехристианской мысли, для которой категория универсалии имела основополагающее значение в связи с идеей творения мира при помощи Слова. Божественные Слова в этом смысле представлялись и анализировались, собственно, как универсалии, наполненные культурным и созидательным смыслом. Иными словами, категория универсалии в раннехристианской мысли несла лингво-философское значение.

Дальнейшее рассмотрение категории универсалии, связана с именами Дж. Локка, Дж. Беркли, Д. Юма, Т. Гоббса, Г. Лейбница и др., имело как философский, так и сугубо лингвистический характер. Для нас же наиболее близка позиция М.М.Бахтина, который мыслил в рамках своей основной концепции – единства диалога устоявшихся универсальных смыслов внутри культуры. Это единство выражено в материале слова, в котором Бахтин различает следующие моменты: звуковую форму, вещественное значение, словесные связи, интонационный и эмоционально-волевой аспект, чувство словесной активности для порождения значащего звука, куда включается вся внутренняя устремленность личности. Иными словами, Бахтин видит смысловую, авторскую и звуковую стороны феномена универсалии. То есть, по Бахтину,

универсалия не может быть всеобщей. Как он отмечает, в литературном тексте Достоевского мы наблюдаем не набор стандартных универсалий, а диалог универсалий, вбирающих в себя культурное значение, сообразно ситуации.

Понятие универсалии стало использоваться и в современной лингвокультурологии, где таковая ни в коем случае не синонимична понятию концепта. Если определение концепта претендует на общекультурную функцию, транслируемую из текста к тексту, из речи одного поколения носителей языка к другому, то универсалия носит более локальный характер.

В лингвокультурологии и лингвистике текста универсалия является носителем культурного смысла на пространстве конкретного текста. Понятие текста в данном случае может принимать расширительное значение: текст литературного произведения, текст социальной страты, текст города, текст эпохи. Не случайно поэтому понятие универсалии широко используется в описании так называемой лингвокультурной ситуации, т.е. некоего временного среза (локального текста) определенной культурной эпохи в жизни страны и народа.

Научные основания понятия универсалии позволили провести ее дифференциацию. Так, в современной лингвокультурологии используются такие субпонятия, как лингвокультурная доминанта и лингвокультурная деталь. Не исключено, что в будущем станет возможна еще более глубокая дифференциация этих понятий.

Таким образом, многомерное исследование понятия универсалии дает основание уточнить понятие лингвокультурной универсалии как концентратора культурного смысла текста. Это, по нашему мнению, лексическая единица, несущая в конкретном тексте, группе текстов или на локальном участке культуры, в лингвокультурной ситуации особо значимый смысл (по сравнению с другими лексическими единицами данного текстового поля). Этот смысл служит основой для возникновения контекста и подтекста, вносящих в основной текст дополнительные культурные смыслы. Следовательно, значение лингвокультурной универсалии в тексте выходит за рамки лексической единицы, и это значение уже не измеряется грамматически. Лингвокультурную универсалию не следует абсолютизировать и придавать ей общекультурный смысл, поскольку в другом тексте слово, обозначенное как лингвокультурная универсалия, таковой может и не являться.

Во второй главе **«Иерархия и функционирование лексических концентраторов содержания текста»** разработана иерархическая система лексических концентраторов содержания текста, выявлены механизмы функционирования их полей, описан переход их механизмов на уровень дискурса.

Выстраивание логической последовательности наличествующих в тексте концентраторов культурных смыслов дает следующий недетализированный иерархический ряд: ЛК-универсалия → ЛК-образ → ЛКМ (лингвокультурная картина мира).

В означенном ряду ЛК-образ занимает промежуточное место между ЛК-универсалией и ЛКМ. ЛК-образ – это уже не универсалия, но еще и не картина мира.

Понимание ЛКМ как динамичной системы ЛК-образов и представлений, определяющих поведение персонажей художественного текста, позволяет связать отдельные ЛК-образы текста не только с ЛКМ данного текста и сопутствующей ЛКС конкретной исторической эпохи, но и со всей ЛКМ этноса, социальной группы, отдельной языковой личности, с их лингвокультурой в целом.

Эти ЛК-образы, объективируемые в лексическом пространстве текста, служат отражением определенных фрагментов целостного этнического ЛК-образа мира, реализуемых в семантике возможных миров, в различных типах дискурсов, различных культурных кодах.

Эта память слова отчетливо выступает в случаях рефлексии специалиста, профессионально работающего со словом. Приведем фрагмент переписки Л. К. Чуковской с поэтом Д. Самойловым: «Я старше Вас на 15 лет, и потому дореволюционное словоупотребление *помню*, а Вы знаете его только из книг и допускаете некоторые невозможности». Так, например, слово «*переживать*» не употреблялось так, как употребляет его Алевтина; переживать можно было и горе и радость, оно употреблялось всегда с дополнением («Я пережил потрясение, счастье, смерть отца»); это только теперь «она так переживает» значит: расстраивается, волнуется, огорчается: «Она переживает, что ее сын провалился», «Как? Ваша жена еще переживает?» и т. д. Это современное мещанское выражение - уже повсеместное - а не тогдашнее... было: «это человек *обязательный*» в том смысле, что положиться можно, а вместо теперешнего «*обязательно*» было *непрерывно*... не говорили «*представляют*» без «себе», если без - то «вообразите»; не говорили «к *примеру*», но только «*например*». Тут можете мне поверить на слово... Слово *гардероб* не значило тогда шкаф для платья (он назывался «*платьяной шкаф*» или «*зеркальный шкаф*»), а гардероб - это было *самое платье*, то есть вся ваша одежда в совокупности: «мой гардероб весьма скуден, убог или богат». Кроме того, слово «*забрать*» означало отнять, отобрать насильно или арестовать: «его забрали». А сейчас стали говорить: «я забрал свою шапку» вместо «взял». Приведенные фрагменты иллюстрируют действие в языке не только собственно лингвистических закономерностей (расширение значения, метонимический перенос по пространственной смежности, семантическое стяжение и др.), но и общих тенденций к стилистическому снижению, опрощению и даже, согласно авторской рефлексии, «омещаниванию» языка, к отходу от норм интеллигентной речи. Показательно, что разговорное «к *примеру*» проникает даже в научные тексты начинающих лингвистов-исследователей. Об активном влиянии историко-культурной среды на осмысление слова свидетельствуют и целенаправленные, отрефлектированные явления произвольной этимологизации: «*Аэроплан* - наркотик, продаваемый в самолетах. *Галстук* - информатор в галстук. *Гейша* - завязавший со своей нетрадиционной ориентацией. *Джек-пот* - Джек-Потрошитель на наших улицах. *Лишайник* - член комиссии по делам несовершеннолетних. *Муфтий* - слесарь по трубам. *Пролетарий* - прогоревший бизнесмен. *Страхование* - просмотр фильма ужасов. *Феномен* - мужчина,

пользующийся феном. *Штукатурка - Турецкая тысяча*» (Лидия Чуковская, 1981: 77).

Таким образом, система лексических концентраторов в тексте иерархична и, говоря образно, устроена по принципу матрешки. Менее значимые концентраторы входят в поле более значимые.

Однако вся эта иерархия не статична. Так или иначе, ЛК-универсалия может быть осмыслена с позиций синергетики как науки о саморазвивающихся системах. Иными словами, на ЛК-универсалию можно взглянуть в ракурсе иной научной парадигмы. Несмотря на то, что литературный (написанный и напечатанный) текст объективно статичен, его лексические концентраторы по мере развития культуры дополняются новыми смыслами.

Кроме того, понятие, отраженное в заглавии, допускает возможности свертывания в нем различных суждений, которые раскрываются в перспективе текста. Эта неодноплановость истолкования объясняет как избирательность отраженных в тематическом поле текста сем универсализированного дескриптора, так и рассредоточенность отобранных, их наличие по мере развертывания темы. Коммуникативные потребности говорящего приводят к таким иерархическим отношениям тем, подтем и субподтем, которые не предусмотрены общей схемой, а также к приведению в действие межгнездовых связей.

Не обнаруживается прямых корреляций между частотностью сем универсализированного дескриптора и их статусом в тематическом поле текста, возможны случаи погашения всех актуальных и реализации лишь потенциальной семы ЛК-универсалии, актуализации лишь одной какой-то семы или сем, связанных с разными значениями этой ЛК-универсалии.

Все это свидетельствует о включенности ЛК-универсалий в особую коммуникативную систему, организуемую замыслом говорящего, который содержателен и ориентирован на ту или иную систему знаний о мире и нацелен на утверждение определенных ценностных ориентаций в сознании адресата и тем самым на преобразование действительности.

Задействование явления интерференции значения приводит к тому, что более значимая лексическая единица распространяет свое значение на менее значимую лексическую единицу.

Один из таких аспектов – звуковая картина мира в ее лексическом представлении, дающая возможность проследить синергетическую динамику механизмов функционирования лексических концентраторов.

В данном случае роль глаголов звучания в отражении текстовых ситуаций проявляется и в том, что они становятся центром текстового функционально-семантического поля, объединяющего единицы разных уровней языковой системы. Ближайшую периферию составляют глагольные распространители и уточнители, указывающие на источник звука, характер звучания, интонационные характеристики и др. Способом организации функционально-семантического поля текста выступают межчастеречные связи слов с опорой на синонимы и гипонимы группы глаголов звучания.

Лексические концентраторы содержания текста, будучи частью ЛКМ автора, формируются в процессе создания текста, отражая, с одной стороны, языковую личность автора, а с другой стороны, относятся к творимым автором текста возможным мирам. В этом смысле лексические концентраторы содержания текста синергетичны и склонны в процессе творчества к саморазвитию. Это особенно ярко проявляется в дискурсе, где лексические концентраторы содержания текста формируются и функционируют, однако, с той разницей, что здесь они менее системны и имеют не всегда стройную иерархию. Но эта закономерность лишь повышает уровень их синергетичности, т.е. склонности к саморазвитию.

В третьей главе **«Лексические концентраторы содержания в процессе самоорганизации текста и дискурса на фоне сенегальской традиции»** представлена картина лексических составляющих процесса самоорганизации текста и дискурса, на конкретном материале показана практика функционирования концентраторов смысла в тексте и дискурсе, выработана методика комплексного лексического анализа самоорганизующихся текста и дискурса, на основе привлечения сенегальского материала показано, что сделанные в диссертации выводы носят универсальный характер.

Методика лингвокультурологического анализа предназначена прежде всего для освещения того, что относится к дифференциации слов-концентраторов смысла внутри системы, ассоциативные связи устанавливаются преимущественно психолингвистическими методами в ассоциативно-вербальной сети и ее текстовых и дискурсивных проекциях.

Как показывает русский и сенегальский материал, взаимодействие слова-концентратора смысла и культурной среды не всегда однозначны. Механизм такого взаимодействия заключается в том, что слово бытует и эволюционирует в культурной среде. Значение слова-концентратора смысла как элемента культуры развивается, отражая в себе динамику деятельности человека и изменений в лингвокультурном универсуме. Означенный механизм дополняется процессами внутренней самоорганизации.

Характерно, что уже в рамках двухсловного словосочетания осуществляется взаимодействие слова-концентратора смысла как системы и среды, приводящее к появлению особых смыслов. Понимание слова в рамках фрагмента высказывания требует его соотнесения с другим словом по аналогии с пониманием текста, требующим его соотнесения с другими текстами. Эта аналогия уместна, если вслед за Ю. Н. Карауловым признать, что лингвистическая информация хранится в памяти преимущественно в виде текстов – реальных, потенциальных или прецедентных. О вхождении среды в систему свидетельствуют данные ассоциативного эксперимента – прямые оценки факта, фона, стоящего за словом и фиксированного «Русским ассоциативным словарем»: *Дети – это прекрасно, приятные эмоции. Ребенок – угол».*

Средой для слова-концентратора смысла слова выступает и весь арсенал культурных знаний и вещный, предметный мир, который в силу вычленения им предметов, явлений лингвокультурного универсума, выступает как своеобразный

аванс бесконечности передаваемых им смыслов, касающихся не только реально известных, но и возможных миров, скрыты предпосылки лексико-семантического варьирования, связанные с противоположностью бесконечного варьирования значения. Ср., например, фрагменты из повести М. Ганиной «Оправдание жизни»: *«В начале было Слово, и Слово было у Бога. Родного языка словом была крещена я русской... Вот где тайна, секрет, вот связь, крепче которой, как выяснится вскоре, нет ничего на свете... Ген языка, живший в клетках моей новой плоти, ген русского языка желанно, понимая, отозвался в русской речи беременной женщины, акушерки, бабушки, отца великих писателей... это и есть суть истинной национальной принадлежности, только так»* Ср. в иной связи, после циничных откровений пасынка: *«Что, какие колебания мировой всесвязанной энергии доносили, выносили бестрепетно эти особые сочетания звуков?... В начале было Слово... Господи, Слово было у Тебя! Как можешь Ты, не содрогаясь, принимать подобные сочетания подобных гною слов, почему смысл их, собравшись в единый заряд, не взорвал Вселенную?»* (М. Ганина «Оправдание жизни»).

Особый сюжет отражения культурно-исторического фона употребления слова связан с презентацией национальной реалии, организующей ассоциативное поле слова в тексте. Такой реалией в повести Ф. Искандера «Софичка», например, предстает очаг, «притягивающий» родственные реалии (огонь, костер и др.) и служащий основой концептуализации многих сложных явлений истории человечества и его современного состояния. Костер предстает как носитель уюта, защита, явление Бога, всеблагая и грозная сила, источник идеи дома, хозяин этой идеи: дом первоначально – защита костра человека, а части дома – средства такой защиты: *«Дом остался – костра нет. Человек легко забыл, и не забыл об этом его язык, великий хранитель народного опыта. И человек, не понимая горькой самоиронии своих слов, иногда автоматически называет родной дом родным очагом, как говорили в старину»* (Ф. Искандер «Софичка»).

Описание культурно-исторического фона наблюдаем и в тексте на языке волоф:

“Lamb po wum cossan la. Bu jek, bu nawete wathione, deuk kow yi dagnoye teuk mbarate. Fou am mbeur nek si gox goxat yi, mou ngi koye wadial. Bu gnou dajalo di fo aka ree. Thi nonu keur gu nek dafay togu thiére thi souna su bess bi. Lolu moy mandargal jexantal nawet bi, menief yi nior, deuk all yi nekh, thiono bafa amone thi dundu ba dal di jex” (Diallo Amadou, Cossan ak adda).

В этом тексте показаны функции очага, многие из которых уже утрачены: очаг горит, озаряет, обладает теплом, энергией, собирает семью, объединяет людей, побуждает к духовной активности, оттачивает фольклорные тексты, учит мастерству общения, этике понимания собеседника и т. д. Элементы фрейма «костер» (огонь, языки пламени, дрова, угроза обжечься, тянем к его струям руки) служат источником метафорического осмысления современных обычаев и психологии человека (заменитель живого огня – алкоголь, мокрый огонь, развязывающий человеческий язык, как когда-то языки пламени, живой огонь костра, «выжигающий из наших душ мусор суетных и тщеславных забот»).

Костер в финале фрагмента – символ молодости, начала человеческой культуры, цивилизации, перерождения, очищения (последние смыслы представлены и в словаре символов).

Таким образом, как в тексте Ф. Искандера, так и в тексте на языке волоф слова «очаг, косчер» символизируют семью, дом, дружбу, культуру, традицию, и т.д., это явление истории человечества, которое осуществляется через утверждение общечеловеческих, общекультурных ценностей.

В ходе повествования бытовое обозначение переводится в план экономических категорий (собственность) и квалификации своего социального статуса (нищий): «... Через неделю я уже складывал вещи. И, как выяснилось, мне хватило одного-единственного чемодана. Чуть не зарыдал от жалости к себе. Ведь мне 36 лет. 18 из них я работал. Что-то зарабатываю, покупаю. Владею, как мне представлялось, некоторой собственностью. И в результате – один чемодан. Причем, довольно скромного размера. Выходить, я нищий? Как это получилось?» Многие в описании чемодана соответствует типовым ассоциациям, представленным в реакциях на стимул «чемодан» в «Русском ассоциативном словаре»: старый, бесформенный, деревянный, небольшой, плохой, черный и др. В финале предисловия, посвященного истории чемодана, отношения вместимого и вместилища дополняются связями целого и его частей, служа основой создания символических, философских смыслов, творческих раздумий автора: «Я оглядел пустой чемодан. На дне – Карл Маркс, на крышке – Бродский. А между ними – пропащая, бесценная, единственная жизнь... И тут, как говорится, нахлынули воспоминания... Воспоминания, которые следовало бы назвать – «От Маркса к Бродскому». Или, допустим, – «Что я нажил», или, скажем, просто «Чемодан». Предпочтение, как видим, «без помпы и парада» отдано последнему.

Бытописание при помощи лексики на языке волоф. Рассмотрим типично-сенегальские бытовые реалии:

Жилье, мебель, утварь, посуда и др. «*keur* (дом), *bayee* (шкаф), *yakhande* (сундук), *comot* (комод), *bang, ndab, bol, plate, lekete* (посуда). Названия украшения: *Thiakk, lam, diaro*; наименование традиционной одежды: *mousor, mbakhana, grand-mboubou, seur, mousore, copoti* (шапка), *thiaya*; сословия и касты: *Signare, sara, griot, tokor, tyedo, gris-gris, taga*; носители власти: *Grang-diaraf, bour-sine, guelwar*».

«*Ci ab diir may defar sama woliss! Waye ness tut ma joy, ndax yerem sama bopp. Mangi ni am na nienfuki att, mangi tambale ligey bima ame niarfuki att. Kon gnarfuki att may liguey, di di dieund ay bagass, ak yere ak lenene. Amna as allal, waye bamako dajale si waxande bi, as wande su tute la. Mounu ma sah genn, ndax gathie. Lii numu meuna nekke? Ak att yi ma ligeye yeup, nii la tolu !*» (А. Сиссе). В этом фрагменте отражены типично сенегальские бытовые реалии.

В каждой культуре имеются свои нормы и правила поведения, обуславливающие принятые и допустимые формы выражения определенных социально значимых смыслов.

Таким образом, открытые развивающиеся системы (а такой в языке является прежде всего лексическая система) активно взаимодействуют со средой, получая из нее информацию, необходимую для деятельности системы.. В

современном словоупотреблении процессы взаимодействия системы и среды прослеживаются на примере заимствований, иноязычных вхождений, средой для которых служат не только экстралингвистические обстоятельства, но и собственно лингвистические (например, можно вспомнить, как многие из новаций еще недавно ограничивались областями специальных знаний, включая знание иностранного языка).

Процесс самоорганизации текста и дискурса как в русской, так и в сенегальской лингвокультурах чрезвычайно сложен и до конца не исследован. Ясно одно – он проходит посредством актуализации оттенков культурного значения лексических концентраторов культурного смысла. И этот особый угол зрения позволяет получить информацию, находящуюся в отношении дополнительности к уже приобретенным знаниям о способах существования и функционирования текста и дискурса как сложных самоорганизующихся систем в обеих лингвокультурах.

Функционирование концентраторов смысла в процессе самоорганизации текста и дискурса представляют собой практически бесконечные вариации все новых и новых значений, рождаемых культурной средой, в которой существуют эти текст и дискурс. Такое истолкование значений наглядно показывает взаимосвязь и взаимообусловленность лексических значений слов с противоположным значением и оправданность для них антонимического способа семантизации в словаре. С необходимостью замедлить процессы диссипации сложной системы связаны два важнейших языковых закона – закон избыточности языковых средств, обуславливающий надежность, устойчивость системы, и закон экономии языковых средств как ответ на вызов непрерывно флуктуирующей среды.

В процессе взаимодействия лексики как открытой системы со средой слово в своем текстовом использовании меняет, варьирует системно-языковое значение. Однако далеко не все текстовые новации закрепляются в языке. В этом смысле, текст может жить своей жизнью, а язык – своей.

Отмеченные синергетические особенности русского и сенегальского текстов обнаруживают себя как в общих законах экономии и избыточности языковых средств, так и в более конкретных явлениях, например, антонимии, омонимизации, усложнения смысловой структуры слова. Две формы отбора, отмечаемые в синергетике, - стабилизирующий и движущий – согласуются с двумя основными функциями контекста – воспроизводящей и производящей. Текстовые флуктуации обнаруживают взаимодействие системы не только со средой, но и различных частей внутри системы, что приводит ее в состояние неустойчивости, потенцирующей возможности дальнейшей эволюции. Элементы среды выступают в виде поля данной системы, одно из подтверждений накопления энергии элементом поля на его пути в систему – увеличение частотности (социальной предпочтительности) и расширение ситуаций употребления слова.

Наличие лексической единицы в зоне бифуркации, точках выбора дает себя почувствовать в разнонаправленных речевых оценках, металингвистической деятельности, языковой игре, в разнообразных текстовых преломлениях

активных процессов в современной русской лексике, в разной мере адаптации социумов и индивидов к этим процессам, в возможности влияния низших уровней системы, находящейся в неравновесном состоянии (ср. активизацию разных пластов сниженной лексики). Низшие формы эволюции, характеризующие определенную фазу развития нелинейных систем, проявляются в деформации языка, его обеднении (ср. исследования тоталитарного дискурса как попытки насильственного сведения сложных структур к простым). Например: *«Ее крепкая и вместе с тем юркая фигура наводила на мысль о тех низших духах, которых теперь определяют модным термином «полтергейст». Наверное, и правда такие вот людишки незаметно суеются - и беспокойство от них приписывают домовым»* (Генис, 2003: 30). Экзотичное слово соседствует здесь с активизировавшимся старым для обозначения явлений с точки зрения иронически мыслящего врача. Сходные явления обнаруживаются в речи других персонажей повести: *«- А если настоящие деньги пойдут, тут уж закипят рукопашные... Все станем дилерами и киллерами»* (Там же: 29). Ср. еще: *«Удивительное дело, подобные молодые люди бравируют своим видом, как бы носят униформу - солдаты мафиозной армии, объявившие войну законопослушной России»* (Там же: 33). Языковая личность утверждает себя как свободно ориентирующаяся в стихии современной речи, но не считающая для себя обязательным отступить от привычной речевой манеры.

Ярко высвечивается языковая личность в тексте сенегальского писателя Бираго Диоп, который активно использует прием концентраторов смысла:

«Xel bu deme di wouti matt, say wako nekh lay indi... Fenk ub jant bi teule mo weur samay geut... Wert nawet wi wi ak khonq lolli gi gnoungi dem, may weur bereub you watou si all bi te guissouma loudoul ay montagne you leundeum. Melni niawkat, iwer bi mounoul are witten am, di gnaw loudoul taw bou oyoff. Gris, assamane si dafa sedd, jant bi di lokh; may djarou thi wetou seb bi...»

«Quand la mémoire va ramasser du bois mort, elle rapporte le fagot qu'il lui plaît... L'horizon bouché m'encercle les yeux. Les verts de l'été et les roux de l'automne en allés, je cherche les vastes étendues de la savane et ne trouve que les monts dépouillés, sombres comme de vieux géants abattus que la neige refuse d'ensevelir parce qu'ils furent sans doute des mécréants... Mauvais tisserand, l'hiver n'arrive pas à égrener ni à carder son coton; il ne file et tisse qu'une pluie molle. Gris, le ciel est froid, pâle, le soleil grelotte; alors, près de la cheminée, je réchauffe mes membres gourds...». (Birago Diop, *Extrait du Chapitre, Les Mamelles*).

«Когда память будет собирать сухостой, она приносит тот фагот, который ей нравится... Блокированный горизонт обводит мне глаза. Зелени лета и рыжие осени уходили, я искал бескрайние просторы саваны и нашел только голые горы, темные как старые гиганты, вырубленные, которые снег отказывается хранить, потому, что они были неверующими... Плохой текстильщик, зима не может разрушать и чесать своего хлопка, она крутит и плетет мягкий дождь. Серое, небо – холодное, бледное, солнце дрожит; затем, я у камина согрею затекшие конечности».

Этот текст любопытен как иллюстрация и того, что не полностью освоенное слово вытягивает смежные узлы фрейма, и того, что значение слова-

концентратора имеет нежесткий, вероятностный характер даже для специально работающих со словом людей, и того, что часть языковых знаний усваивается подсознательно.

Флуктуации концентраторов смысла в русском и сенегальском материале обнаруживают взаимодействие текста и дискурса не только со средой, но и с другими текстами и дискурсами, важными для конкретной лингвокультурной ситуации, что приводит эти текст и дискурс в состояние неустойчивости, возможности эволюции. Приведем пример: *«Что мне сказать мальчику, которого я дернула за рукав? Какие такие советы я могу дать, и можно ли вообще давать советы, если у тебя их не спрашивают? Мы ведь живем совсем в другой эпохе, страна советов была до того»; «Истинному как бы полагалось быть плоховатым. Это только искусственное свиду "ах!", но надо же понимать суть вещей. Взять хотя бы человека... И человека брали»* (Г. Щербакова. Митина любовь).

Здесь зоны неустойчивости связаны с такими лексикосистемными явлениями, как омонимия в первом случае и супплетивные формы слова, противостоящие множественности закрепленных за ними смыслов, включая культурологические, – во втором. Ср. в "Толковом словаре русского языка" Ожегова-Шведовой: Совет¹ – «1. Мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать, наставление, указание»; Совет² – "Правительственный орган государственной власти, одна из форм политической организации общества". Или там же: Брать – "2 кого (что). Подвергать аресту (разг.)" и Взять – "3 ... кого-что, обычно в сочетании с "хотя", "хотя бы". Употр. Для выделения того, что будет предметом дальнейшего высказывания (разг.)» (Ожегов, Шведова, 1992: 487).

Речь также может идти о многовариантности путей отбора в русском языке и языке волоф, отражений в нем ценностных предпочтений субъекта (говорящего, читателя, слушателя). Самим фактом такого, а не другого выбора говорящий утверждает себя как вполне определенную языковую личность наряду с многими другими. Возможно объяснение особенностей языкового поведения индивида связью с типом преобладающей сенсорной системы. В этом смысле индивидуальность субъекта, его неповторимость как личности становится закономерностью, не влияющей, однако, на общее направление эволюции культурных смыслов.

Разнообразие и вместе с тем типизацию поведения индивида и языковой личности можно считать неизбежным следствием самой жизни как эволюции саморазвивающихся, открытых систем, одними из которых выступают текст и дискурс. В данном случае следует понимать, что эволюция значений внутри текста и дискурса не определяет эволюцию культуры в целом. Напротив, текст и дискурс – системы отражающие движение культуры в широком понимании этого термина. Влияние текста и дискурса на культуру – явление не такое частое, но иногда имеющее место. Так, в новейшей истории человечества некоторые тексты и дискурсы повлияли на развитие культуры. Это, например, «Манифест коммунистической партии», «Фултонская речь» премьер-министра Великобритании и др.

Важно, что выявленные в исследовании процессы концентрации культурных смыслов в лексических единицах текстов и дискурсов универсальны, характерны практически для любой лингвокультуры.

Для подтверждения этого тезиса в диссертации был использован сенегальский языковой материал.

В **Заключении** сформулированы основные результаты диссертационного исследования, намечены перспективы дальнейшего исследования лексических концентраторов культурных смыслов.

Основные положения диссертации отражены в восьми (8) публикациях автора общим объемом 39 стр.:

Статьи в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных в перечень изданий ВАК Минобрнауки РФ:

1. Файе Ф.Д. К уточнению понятия концептуально значимой лексики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», 2014 № 4. – С. 80-84.

2. Файе Ф.Д. Живые процессы в лингвокультуре Сенегала и в языке волоф в период глобализации // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Теория языка. Семиотика. Семантика», 2015 № 3. – С. 89-94.

3. Файе Ф.Д. Классификация реалий в русском языке с позиции сенегальской лингвокультурной традиции // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: «Русский и иностранные языки и методика их преподавания», 2015 № 3. – С. 95-100.

Статьи, опубликованные в других изданиях:

4. Файе Ф.Д. Изучение связей в национальной лингвистической картине мира // «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания»: VII Студенческая научно-практическая конференция, РУДН, 16 апреля 2010 г. – С. 127-131.

5. Файе Ф. Д. Механизмы отражения культурных смыслов в коннотативной лексике // «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания»: VIII Студенческая научно-практическая конференция, РУДН, 2011 г. – С. 126-127.

6. Файе Ф. Д. Изучение связей языка и культуры // Язык и личность в поликультурном пространстве: сборник статей [Текст] / Под ред. Л. В. Адониной, О.С. Фисенко. – Москва, Севастополь: Рибэст, 2012 г. – 572с. Серия «Молодой филолог». Вып. 2)., С – 77-81.

7. Файе Ф. Д. Лингвокультурологический аспект описания взаимосвязей языка и культуры // «Актуальные проблемы русского языка и методики его преподавания»: XII Студенческая научно-практическая конференция, Москва, РУДН, 24 апреля 2015 г. – С.39-43.

8. Файе Ф. Д. Теоретические вопросы изучения взаимосвязей языка и культуры на уровне лексических концентраторов содержания текста // «Филология», Международный журнал, Россия, Волгоград, «Научное обозрение», № 2 (2) 2016. – С. 43-47.

**Файе Фату Диоп
Сенегал**

**Смысловые взаимосвязи языка и культуры в концептуально значимой
русской лексике с позиции сенегальской языковой традиции**

Диссертационное исследование посвящено комплексному описанию взаимосвязей языка и культуры на уровне лексических концентраторов содержания текста, выявлению их иерархии и функционирования в процессе самоорганизации текста и дискурса на фоне сенегальской языковой традиции. В структуре концентратора культурного смысла, прежде всего, выделяются термины «лингвокультурная универсалия», «лингвокультурная доминанта», «лингвокультурная деталь», «лингвокультурное поле». В работе рассмотрены особенности отражения лексических концентраторов содержания в процессе самоорганизации текста и дискурса на материале русских и сенегальских художественных произведений XX века.

Результаты исследования могут быть использованы в преподавании спецкурсов по лингвокультурологии, лингвистике текста, на практических занятиях по стилистике и интерпретации текста, а также в практике преподавания русского языка как иностранного.

**Faje Fatu Diop
Senegal**

**The semantic relationships of language and culture in the conceptually important
Russian vocabulary from the position of the Senegalese linguistic tradition**

The thesis is devoted to complex description of the relationship of language and culture at the level of lexical hubs content of the text, identify their hierarchy and functioning in the process of self-organization of the text and the discourse on the background of the Senegalese linguistic tradition. In the structure of the hub of the cultural meaning primarily distinguished the terms " linguocultural universal", " linguocultural dominant", " linguocultural detail", " linguocultural field." The author describes the reflection lexical content hubs in the process of self-organization of text and discourse on a material of Russian and Senegalese artistic works of the XX century.

The study findings can be used in teaching special courses on cultural linguistics, linguistics of the text, in practical classes on style and interpretation of the text, as well as in the practice of teaching Russian as a foreign language.